

— Тсс, теперь всё хорошо.

Кто-то тихо прошептал это на ухо, и напряжение в теле начало постепенно таять. Цзянь Хуай недовольно поморщился; сколько бы его ни пытались успокоить, он не переставал хмуриться.

— Иди, — голос доносился словно издалека. — Я буду ждать тебя.

Тело вдруг утратило вес. Он словно парил в пустоте, а в ушах зазвучала мелодия, перемежаясь с едва слышным стрёкотом цикад.

— Да шевелись ты, опоздаем! Быстрее давай!

Пробегавший мимо парень задел его плечом. Цзянь Хуай пошатнулся, выходя из оцепенения.

Он стоял на тротуаре у пешеходного перехода. Пышные кроны деревьев скрывали палящее солнце, и лишь редкие солнечные зайчики пробивались сквозь листву, ложась на его лицо неровными пятнами.

Яркий свет слепил. Цзянь Хуай моргнул, глядя на здания перед собой — одновременно чужие и до боли знакомые. Он опустил голову, пытаясь сосредоточиться.

Кто я?

Цзянь Хуай...

Он двинулся вперёд, шаг за шагом.

— Стой, ты опоздал, — у школьных ворот его перехватил дежурный. — Запиши имя и класс.

«В каком я классе?»

Цзянь Хуай взял ручку. На мгновение мысли опустели, но он вывел буквы автоматически. Он посмотрел на строчку в бланке и негромко прочёл:

— 11-й класс, Цзянь Хуай.

Доверившись интуиции, он дошёл до нужного кабинета. Заглянул внутрь: у доски стояла девушка и руководила чтением вслух.

«Я знаю её. Это староста по литературе, Чэнь Лили», — пронеслось в голове.

Классного руководителя ещё не было. Оглядевшись, Цзянь Хуай заметил свободное место в пятом ряду. Чутьё подсказывало — это его парта. Он направился к ней.

— Чего сегодня опоздал? — спросил сосед, рослый парень с короткой стрижкой и смуглой кожей.

Дин Ханьюй.

Цзянь Хуай мазнул по нему коротким взглядом и молча засунул сумку в ящик парты.

— Поздно вышел.

Он сверился с расписанием и достал нужный учебник.

— Я видел, ты один шёл. Лу Уцзэ сегодня не провожал? — Дин Ханьюй не умолкал, напоминая назойливую муху. — Шан Цзиншэн в последнее время проходу тебе не даёт. Лу Уцзэ не боится, что тебя подкараулят?

Цзянь Хуай чувствовал глухое раздражение, но не прерывал его. В голове стоял туман, шум в ушах мешался с обрывками странных сцен — смутно знакомых, но пугающих. На фоне болтовни соседа перед глазами вдруг всплыло чьё-то лицо, залитое кровью.

Это был красивый парень с резкими, мужественными чертами лица, не свойственными его возрасту. Кровь текла по лбу к самому краю брови. Он пытался вытереть её рукой, оставляя лишь грязные разводы, но рана открывалась снова.

В классе внезапно поднялся гул.

— Лу Уцзэ точно к Цзянь Хуаю пришёл.

— Говорят, вчера его люди Шан Цзиншэна зажали. Похоже, правда!

— Глянь на голову, всё разбито. Конечно, правда.

Цзянь Хуай почувствовал, как рядом стало жарко. Он поднял голову: тот самый парень из его видений стоял перед ним. Лоб замотан марлей, сверху — белая сетка. Выглядело нелепо.

Лу Уцзэ посмотрел на юношу, тихо сидящего за партой, и медленно присел на корточки. Вглядываясь в холодный профиль Цзянь Хуая, он после долгого молчания выдал:

— Почему ты меня не дождал? Зачем сам в школу пошёл?

Его лицо, в котором юношеская незрелость мешалась с суровостью, оставалось бесстрастным, а голос — ровным, но в этом сквозила какая-то необъяснимая обида.

Цзянь Хуай коснулся пальцами обложки учебника литературы.

— У тебя голова пробита. Сидел бы дома, зачем припёрся?

Лу Уцзэ не сводил с него глаз.

— Я заходил за тобой, не дождался. Побоялся, что Шан Цзиншэн за тобой увяжется.

Он смотрел на опущенные ресницы Цзянь Хуая, на его прямой нос, на бледные губы — и в мыслях его тянулась бесконечная невысказанная тирада о том, какой тот красивый.

— Этот ублюдок только и умеет, что пакостить исподтишка. Если меня рядом не будет, он точно снова начнёт к тебе приставать.

Цзянь Хуай молчал, делая вид, что повторяет урок.

— Не вздумай уйти без меня после уроков, — продолжал зудеть над ухом Лу Уцзэ. — Я буду ждать у дверей твоего класса. Слышишь? Не уходи один.

— Студент, ты из какого класса?! — у дверей раздался властный голос классного руководителя.
— Почему мешаешь нашему утреннему чтению?

Лу Уцзэ даже не обернулся. Он ещё раз велел Цзянь Хуаю ждать его и, сунув руки в карманы, лениво вышел. Учительница, узнав лицо Лу Уцзэ, промолчала. Дождавшись, пока он скроется из виду, она махнула рукой классу:

— Тишина! Продолжаем читать.

Поколебавшись, она подошла к парте Цзянь Хуая.

— Цзянь Хуай, выйди со мной на минуточку.

Она первой вышла из кабинета. Цзянь Хуай закрыл книгу и поднялся. Благодаря длинным ногам он быстро нагнал учительницу, несмотря на свой неспешный шаг.

Учительницу звали Хуан Ваньчжэнь. Женщина средних лет, строгая и требовательная. Она привела его во внутренний дворик, к небольшому саду с искусственными скалами, и указала на каменную скамью.

Поправив очки, она заговорила, тщательно подбирая слова:

— Вы уже в 11-м классе. Время летит, скоро выпускной. За твою учёбу я никогда не переживала. Но Лу Уцзэ... Он на всю школу известен своими драками.

Она повернулась к нему:

— Я знаю, вы выросли вместе, и эта связь много значит. Но я хочу, чтобы ты подумал о своём будущем. Учёба сейчас — главное. Вчера он устроил массовое побоище с Шан Цзиншэном на улице Сихэ. Несколько человек в больнице, их банда всю ночь в участке провела, а сегодня он заявляется сюда как ни в чём не бывало. Как твой учитель, я прошу тебя: не давай им тянуть тебя на дно.

Она подняла руку, словно хотела погладить его по голове, но передумала и лишь легонько сжала его плечо.

— Я кое-что знаю о твоей семейной ситуации. Давление на тебя сейчас огромное — и дома, и в школе. Но именно поэтому ты должен сдать экзамены на отлично.

Она вздохнула.

— В твоём возрасте книги должны быть на первом месте. У тебя прекрасная успеваемость, блестящее будущее. Не позволяй внешнему миру всё испортить. Что бы там ни происходило, это не те проблемы, которыми должен забивать голову ребёнок. Сосредоточься на учёбе, так будет легче. Что скажешь?

Учительница смотрела на него. На её строгом лице не было жалости — через стёкла очков проглядывало лишь искреннее поощрение.

— Твоя задача — выпускные экзамены. Сдай их так, чтобы я могла гордиться своим лучшим учеником.

Цзянь Хуай слушал её молча. Он смотрел вдаль, и его взгляд казался расфокусированным. Там, у лестницы самого дальнего корпуса, рослый парень спрыгнул с перил, крутанулся в воздухе при приземлении и, насвистывая, пошёл прочь, пряча руки в карманах.

Несколько месяцев назад отца Цзянь Хуая арестовали за коррупцию. Всё личное имущество на его имя было конфисковано. Мать исчезла — с того самого дня сын её больше не видел.

Цзянь Хуай читал приговор. Он не знал, действительно ли отец украл столько денег и откуда взялись все те активы. Отец запретил ему вмешиваться, сказав лишь, что получил по заслугам.

В следственном изоляторе им дали свидание.

— Где твоя мать? — спросил отец.

— Не знаю, — Цзянь Хуай покачал головой. — Ты вернёшься?

В его памяти родители всегда были «перелётными птицами». Вечно в разъездах, вечно заняты делами. После школы его ждал пустой дом и остывающий обед, оставленный помощницей. У той была своя семья, и, прибравшись, она спешила к своим.

Цзянь Хуай ел в тишине. Не включал телевизор, ни с кем не говорил. Сидел в столовой один, держа спину идеально прямой. Медленно брал палочками рис, закуску, делал глоток супа. Когда он заканчивал, еда уже совсем остывала. Есть много он не мог, большая часть тарелок оставалась нетронутой.

Во дворе жили белые кошки. Кошка-мать и её котята лениво гуляли по карнизам. Однажды Цзянь Хуай остановился, замороженный их льдисто-голубыми глазами. Кошка, почувствовав его взгляд, не испугалась — она подошла ближе, ведя за собой пушистый шлейф из котят, и обвила хвостом его лодыжку.

Они задирали мордочки, выпрашивая пакет с едой в его руках. Там были остатки обеда, которые он собирался выбросить.

«Они голодны?»

Тогда он вынес им блюдце. Кошки не убежали. Когда он вернулся, мать-кошка развалилась на мраморном полу крыльца, лениво отбиваясь лапой от играющих котят. Тёплое дневное солнце заливало двор. Услышав шаги, кошка прищурила голубые глаза, которые в лучах света сверкали, как драгоценные камни.

Цзянь Хуай поставил блюдце. С тех пор они стали приходить за едой постоянно.

Котята выросли.

Родителей он видел реже, чем этих кошек.

— Наверное, я уже не вернусь, — сказал отец.

Человек перед ним совсем не походил на того отца, которого он помнил. За время их разлуки он стремительно постарел: безупречно уложенные волосы превратились в седой беспорядок, одежда измялась. Даже взгляд изменился.

В глазах отца больше не было огня. Былые амбиции сменились глухим смирением.

— Это моя вина, — старик долго разглядывал сына, словно пытался запечатлеть в памяти каждую черту. — Я и не заметил, как ты вырос.

— В моих мыслях ты всё ещё маленький, такой милый...

— Мы с матерью совсем не уделяли тебе времени. Но ты вырос достойным человеком.

— Не приходи больше ко мне. И мать не ищи. Живи своей жизнью.

— Прости нас.

Время свидания вышло. На прощание отец поднял руки в наручниках и сделал движение, будто гладит сына по голове. Конвоир не стал мешать.

— Ошибки взрослых не должны ложиться на плечи ребёнка, — он горько усмехнулся. — Я был плохим отцом. Ты всегда был несчастен из-за нас. Малыш, с этого дня — будь собой. Будь счастлив.

Отец медленно встал. Дверь открылась, и он ушёл, чеканя шаги по бетонному полу, ни разу не оглянувшись.

— Не приходи больше. Живи своей жизнью.

Цзянь Хуай долго сидел на деревянном стуле в комнате для свиданий, глядя в пустоту, где только что исчезла спина отца.

Воспоминания отхлынули. Он снова услышал голос учительницы:

— Не повторяй ошибок отца. Не разочаровывай нас. У тебя впереди великое будущее, не сворачивай на кривую дорожку.

— Вообще-то, вчера я был там, когда Лу Уцзэ дрался, — внезапно перебил её Цзянь Хуай. Он холодно посмотрел на неё и едва заметно усмехнулся. — Просто он велел мне уйти первым.

Цзянь Хуай видел, как Лу Уцзэ разбили голову. Видел кровь. Но когда тот сказал ему уходить — он просто развернулся и ушёл. Оставил его одного против толпы Шан Цзиншэна. Ему было всё равно.

Он не слышал, что учительница говорила дальше. Когда он пришёл в себя, она уже ушла.

Цзянь Хуай проверил карманы — телефон и бумажник были на месте. Он направился к лестнице. Утренние занятия закончились, коридоры опустели. Он пересек школьный двор и толкнул калитку. У выхода наткнулся на чей-то дерзкий взгляд.

Шан Цзиншэн был всего на год старше, но выглядел гораздо взрослее. Он был без формы, волосы небрежно взлохмачены. Он стоял, прислонившись к стене, лениво выставив одну ногу вперёд. Лицо в синяках — Лу Уцзэ явно не жалел кулаков. Шан Цзиншэн всегда дорожил своей внешностью, и Лу Уцзэ бил именно туда.

Заметив Цзянь Хуая, Шан Цзиншэн бросил окурок и раздавил его подошвой. Он направился к нему с той самой ухмылкой, которая выдавала в нём законченного мерзавца. Цзянь Хуай прошёл мимо, даже не взглянув на него, зашёл в ближайший магазинчик, купил пачку сигарет и зажигалку. Вышел и закурил.

— Посмотри на него, — протянул Шан Цзиншэн. — Мы с Лу Уцзэ из-за тебя чуть не убили друг друга, а ты просто взял и ушёл. Даже драку нам испортил.

Цзянь Хуай затаился. В голове немного прояснилось. Он скользнул взглядом по лицу противника, но промолчал. Шан Цзиншэн, обычно стоявший расхлябанно, под этим взглядом невольно выпрямился — сердце вдруг пропустило удар.

— Мы ведь трое с детства друг друга знаем. Почему ты такой предвзятый? — Шан выхватил сигарету из пальцев Цзянь Хуая и затаился сам. Ощущение чужих губ на фильтре принесло ему странное удовлетворение. — Я ведь даже курить тебя научил.

— Почему с годами ты от меня только воротишь нос, а с Лу Уцзэ липнете друг к другу?

— Чем я хуже его? — он прикусил фильтр. — А?

— Я с детства к тебе со всей душой, а ты как ледышка.

«Душа» Шан Цзиншэна была тем, что нормальный человек вытерпеть не мог. Цзянь Хуай вспомнил эпизоды из их детства.

— Твоя забота — это вечные проблемы на мою голову, — Цзянь Хуай достал другую сигарету. — Так что сделай одолжение, иди «заботься» о ком-нибудь другом.

Он выпустил несколько колец дыма. Шан Цзиншэн смотрел на его лицо сквозь сизую дымку. Тонкие, чёткие линии, холодная красота. Ему захотелось коснуться этих тающих колец дыма. Цзянь Хуай всегда был к нему холоден, но позволял Лу Уцзэ ходить за собой хвостом. Это бесило. Ему хотелось сломать эту холодность. Хотелось, чтобы Цзянь Хуай слушался только его.

Но Цзянь Хуай не собирался слушать никого.

С тех пор как посадили отца, он не хотел никуда ходить, кроме школы. Сидел дома, не отвечая на звонки. Только белая кошка была рядом. Он часами сидел во дворе, глядя в никуда, а кошка грелась у его ног.

Иногда ему казалось: если не думать о родителях, ничего не изменилось. Дом записан на него, счета и страховки остались при нём. Раньше он их почти не видел — теперь просто не увидит никогда.

Прогуляв уроки, Цзянь Хуай вернулся в пустой особняк. Ссел на холодный пол в гостиной, спрятал лицо в сгибе локтя. Дверной звонок разрывался, но он не шелохнулся.

Он думал о Лу Уцзэ. О том, как тот упрямо пытается ворваться в его мир, игнорируя холод и безразличие. Как ждёт у дверей, надеясь, что сердце Цзянь Хуая дрогнет и он оставит хоть крошечную щелку, в которую Лу Уцзэ тут же проскользнёт.

Цзянь Хуай докурил и сжал окурочек в ладони. Огонь погас, обжигая кожу. Боль медленно поползла по руке.

Он выдохнул последнюю струйку дыма. Все вокруг твердили ему «живи своей жизнью», но он не видел пути. Каждый его шаг тонул во тьме, и он знал: рано или поздно эта тьма поглотит его целиком.

Есть ли впереди хоть какая-то дорога?

Цзянь Хуай сидел, привалившись к стене, и в его пустом взгляде, направленном на танцующие в воздухе пылинки, застыла горькая, едва уловимая усмешка.

<http://bllate.org/book/17462/1697672>